

Услышав слова Цуй Юаня, Чжан Сяоху живо представил себе картину: дядя Цуй в элегантном костюме, морщась от боли, пытается сесть на стул, и в момент приземления его лицо искажается от муки, а сам он шипит от боли!

Бедный дядя Цуй, оказывается, у него геморрой. И, судя по реакции Цуй Юаня, дело серьёзное.

Фэйфэй склонил голову набок.

— Что такое геморрой?

Никто в семье Линь никогда не страдал от этого недуга, поэтому слово было ему незнакомо.

— Шишка на попе. Может даже лопнуть, — кратко и по-деловому пояснил Чу Сяохань.

— А? — Фэйфэй инстинктивно прикрыл ладошкой свою попу. — Шишка на попе, ещё и лопнет? Больно.

Малыш нахмурился, пытаясь мысленно разделить «страдания» Цуй Гуана.

В итоге дети решили, что раз дядя Цуй так мучается, не стоит его беспокоить. Пойдут, как и планировали, в гости к Фэйфэю.

Вечером, когда Цуй Гуан после работы заехал забрать сына в дом семьи Линь, он почувствовал на себе чьи-то странные взгляды.

Это ощущение, будто за ним украдкой наблюдают, вызвало у него недоумение. Он резко обернулся и встретился взглядом с Линь Цзинли.

— Ты чего на меня уставился? — нахмурился Цуй Гуан, ведя сына за руку. Как деловой конкурент, Линь Цзинли, который то и дело строил ему козни, вызывал у него только раздражение. — Какой-то ты подозрительный. С каких это пор господин Линь стал подглядывать исподтишка? Мне от твоего взгляда ещё кошмары приснятся.

Линь Цзинли улыбнулся, не обращая внимания на его язвительный тон. Он протянул Цуй Гуану бумажный пакет.

— Это тебе. Я специально велел водителю съездить купить. Считаю, маленький знак внимания от меня.

Маленький знак внимания? Цуй Гуан с подозрением посмотрел на Линь Цзинли, не решаясь взять пакет.

Но тут рядом стоял Фэйфэй и с любопытством смотрел на них, да и его собственный сын Цуй Юань был тут же. Цуй Гуан не мог, как обычно, вступить в словесную перепалку с Линь Цзинли. Под пристальными взглядами присутствующих ему ничего не оставалось, как принять «маленький знак внимания».

— Что там внутри? — спросил он, с любопытством заглядывая в пакет.

Линь Цзинли поднял руку, останавливая его.

— Лучше посмотри, когда останешься один.

Иначе, если он откроет это здесь, на глазах у всех, ему будет неловко.

Линь Цзинли считал, что выполнил свой долг и предупредил, но Цуй Гуан его не послушал.

Вокруг были члены семьи Линь, дети, все смотрели. Цуй Гуан не думал, что Линь Цзинли станет так по-детски его разыгрывать. Чем больше Линь Цзинли отговаривал его, тем сильнее ему хотелось узнать, что же там такое.

И в следующий момент Цуй Гуан решительно открыл пакет.

Внутри лежала продолговатая коробочка, похожая на упаковку от какой-то мази.

Цуй Гуан достал коробочку и при свете ламп в гостиной прочёл надпись: «Ма-Х-Лун, мазь от геморроя».

Цуй Гуан тут же вспыхнул.

— Линь Цзинли, что это значит?

Хотя он и спрашивал, что это значит, и почему ему ни с того ни с сего дарят мазь от геморроя, не издевательство ли это, но по виду Линь Цзинли казалось, будто это он, Цуй Гуан, ведёт себя как неразумный ребёнок.

Линь Цзинли поправил очки и сказал спокойным, но нравоучительным тоном:

— Я же говорил тебе открыть, когда останешься один. Но, Цуй Гуан, избегать болезни и закрывать на неё глаза — тоже не выход. Я проверил, это лекарство должно тебе помочь.

Возьми, пользуйся.

Теперь Цуй Гуан, будь он хоть полным дураком, понял бы, в чём дело. Он сдержанно указал на себя.

— Ты говоришь, что у меня геморрой?

Линь Цзинли не ответил прямо, но его взгляд говорил сам за себя: «А разве нет?» Этого хватило, чтобы Цуй Гуан едва не взорвался. Но потом Линь Цзинли спокойно добавил:

— Здесь дети, ты уверен, что хочешь продолжать этот разговор?

Разум Цуй Гуана мгновенно прояснился. Он опустил глаза и увидел стоявших в ряд малышек, которые смотрели с искренним сочувствием на... его зад.

Цуй Гуан вдруг вспомнил, что когда он только приехал забирать сына, Фэйфэй подбежал к нему, чтобы встретить. Когда он проводил его в гостиную и поздоровался со старшими, он собирался присесть и подождать Цуй Юаня, но малыш подложил ему на стул целых три пуховые подушки.

Малыш, укладывая подушки, с беспокойством спросил:

— Дядя Цуй, так хорошо?

Цуй Гуан тогда подумал, что его задница не настолько драгоценна, чтобы требовать такого роскошного сервиса. Но, не желая обижать малыша, он всё же сел, хоть и чувствовал себя неловко.

Но его неловкость в глазах малыша стала доказательством того, что дяде Цуй всё ещё неудобно. Поэтому малыш заставил его встать и с серьёзным видом подложил четвёртую подушку.

Когда Цуй Гуан опустился на эту гору подушек, он почувствовал себя той самой принцессой на горошине из сказки.

Сидя там, Цуй Гуан думал: «Вот же повезло Линь Сыняню, такой милый и заботливый сын. Не то что мой — сущий дьяволёнок!»

Но сейчас, вспоминая это, Цуй Гуан смотрел на ситуацию совсем другими глазами.

Получается, Фэйфэй так заботился о его заднице, потому что считал его пациентом с

геморроем!

Стоп! Какой ещё геморрой? Он совершенно здоров, откуда вдруг взялась эта болячка?

И как он, сам того не зная, им заболел?

Цуй Гуан перевёл свой опасный взгляд на Цуй Юаня. Интуиция подсказывала ему, что без этого маленького негодника здесь не обошлось!

Но Цуй Гуан дорожил своим лицом. Сделав вид, что не заметил взглядов малышей, он попрощался с Линь Гошэном и остальными и, схватив Цуй Юаня, потащил его к машине.

Оказавшись в машине, Цуй Гуан сощурился и, глядя на сына леденящим душу взглядом, процедил:

— Сам расскажешь или подождёшь, пока я тебя выпорю?

Цуй Юань, который весь вечер ходил сам не свой, замотал головой как волчок.

— Я не я, и лошадь не моя, я ничего не говорил!

— Хех, — холодно усмехнулся Цуй Гуан. — Я ещё даже не спросил, о чём речь, а ты уже во всём признался.

Лицо Цуй Юаня изменилось. Чёрт, прокололся.

Цуй Гуан небрежно бросил пакет с мазью на сиденье и закатал рукава.

— Сегодня тебе не поможет ни дедушка, ни даже сам Нефритовый император. Я тебе задам!

— А-а-а-а!

Из серебристого люксового автомобиля донёсся пронзительный детский крик, привлёкший внимание водителя соседней машины, стоявшей на светофоре.

«Так истошно кричит ребёнок, может, там издеваются над ним?»

Водитель достал телефон, раздумывая, не стоит ли позвонить в полицию.

Дом семьи Линь.

После ухода Цуй Юаня, семьи Лян Ханюя и Чжан Сяоху тоже забрали своих детей. Чу Сяохань пока оставался жить у Линей, но, судя по прогрессу господина Чу, скоро он сможет вернуться домой.

Комната Чу Сяоханя находилась рядом с игровой Фэйфэя. Семья Линь давно выделила её как детскую для Фэйфэя, поэтому она не считалась гостевой и обычно там никого не селили.

Но поскольку Фэйфэй был ещё мал и большую часть времени спал с отцом, то с приходом Чу Сяоханя малыш великодушно уступил ему свою комнату.

Иногда, когда ему взбрело в голову, он брал свою подушку и шёл спать к Чу Сяоханю.

Но сегодня, после ванны, Фэйфэй и его отец, большой и маленький, лежали рядом на кровати.

Перед сном у них было время для разговоров.

Линь Сынянь смотрел на малыша, который, укрывшись одеялом, послушно закрыл глазки, готовясь ко сну. Каждый раз, глядя на него, он чувствовал, как его сердце тает. Ну как на свете может существовать такой милый, послушный и очаровательный ребёнок? — в тысячу сто пятьдесят шестой раз восхищался про себя Линь Сынянь.

Но... такой послушный малыш скоро не сможет ходить в садик со своими друзьями. Что же делать?

Не расстроится ли Фэйфэй? Не подумает ли он, что друзья его бросили? Не будет ли ему одиноко в садике одному?

Линь Сынянь открыл глаза. В них промелькнула тень беспокойства. Тщательно подбирая слова, он осторожно спросил:

— Фэйфэй, папа хочет у тебя кое-что спросить. Тебе нравятся Цуй Юань и остальные?

Услышав вопрос отца, малыш открыл глаза. Его чёрно-белые глазки были ясными — он ещё не спал.

— Нравятся, — без колебаний ответил он.

Фэйфэй и правда очень любил своих друзей. Иначе он не стал бы сегодня предлагать Цуй Юаню своё любимое пирожное, чтобы тот не сердился.

Завоевать сердце этого малыша было легко. Его сердце было таким мягким. Достаточно было просто относиться к нему с добротой. Он чувствовал это и в ответ дарил всё своё тепло.

Линь Сынянь запнулся, но, понимая, что от этого разговора не уйти, продолжил осторожно:

— А если однажды, Фэйфэй, внимательно слушай, папа говорит «если». Если однажды в садике Цуй Юань и остальные не смогут больше играть с тобой, не смогут ходить с тобой в садик, что ты будешь делать?

Малыш опустил ресницы, задумался, а потом, посмотрев на Линь Сыняня, покачал головой.

— Папа, такого не будет. Братик Сяохань сказал, что всегда будет ходить со мной в школу. А Юаньюань, Сяоху и Ююй сказали, что хотят сидеть со мной за одной партой.

Чу Сяохань уже твёрдо решил, что всегда будет учиться вместе с Фэйфэем. Ему было всё равно, учиться самому или ходить в школу. Но он боялся, что если он перестанет ходить в школу, то Фэйфэй, этот маленький прогульщик, снова начнёт капризничать.

К тому же, за это время Чу Сяохань и сам к нему привязался.

Поэтому они не расстанутся. Как могут Юаньюань, Сяоху, Ююй и братик Сяохань оставить Фэйфэя одного в садике?

— Если, малыш, папа говорит «если», — настойчиво повторил Линь Сынянь, подчёркивая гипотетичность ситуации, чтобы Фэйфэй не принимал всё близко к сердцу.

— Если... — малыш надул свои пухлые щёчки, — тогда, папа, Фэйфэй тоже не хочет больше ходить в садик.

<http://bllate.org/book/13654/1598504>